

В. Б. Окороков

БАХТИН И ХАЙДЕГГЕР В ДИАХРОННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: антропология, время, пространство, хронотоп, бытие, мысль, сознание.

Анализируется хронотопическая теория М. Бахтина и экзистенциальная теория М. Хайдеггера в диахронно-антропологическом измерении мышления. Применяя обобщающий подход, заимствующий основные черты структуралистской, постструктуралистской, антропологической, феноменологической и экзистенциальной методологий, сделана попытка проанализировать сущность хронотопа с учетом его антропологической схожести с хайдеггеровским термином *Dasein*. Такой подход является продолжением общей линии исследования антропологии времени и связан с разработкой в ряде предшествующих наших статей гипотезы, в которой сделана попытка объяснить маргинальные и экстремальные особенности человеческого сознания и психики (осмыслить сущность измененных состояний сознания, *Dasein*, поэтического мышления, феномены Мессинга и Ванги, теории Вейника и Козырева и т. д.). По сути, теорию хронотопа можно рассматривать и как модифицированную версию феноменологии духа Гегеля, в которой каждое движение духа сопровождается очередным продвижением (шагом) по лестнице самопознания, или пошаговым движением в некотором «логико-идеально-природном» топосе самоосмысления (или эволюции) духа, когда в целом сложно понять контуры или сущность этого топоса. То ли это пространство абсолютного сознания, то ли материя, размеченная логосом. Те же трудности возникают при онтологической, экзистенциальной или антропологической интерпретации хронотопа. Задача данной статьи по возможности объяснить хотя бы некоторые проблемы эволюции хронотопа в условном пространстве литературы, а точнее, переместить хронотоп в зону бытия человеческого сознания, в котором осуществляется и разработка романа (автором), и его прочтение (читателем), и столкновение сюжетных, точнее, пространственно-временных линий героев и т. д. Вследствие такой расширенной трактовки хронотопа можно пересмотреть (переписать) некоторые свойства реального сознания человека, т. е. осуществить его реконструкцию с целью понимания вовсе не стандартных (этим занималась феноменология) и не экзистенциальных (область экзистенциальной философии), а маргинальных свойств человеческого сознания. Такие предельные свойства сознания можно рассматривать в рамках мифологии или психологии сознания (о чем писалось в некоторых более ранних статьях).

V. B. Okorokov

BAKHTIN AND HEIDEGGER IN THE DIACHRONIC-ANTHROPOLOGICAL MEASUREMENTS OF THINKING

Keywords: anthropology, time, space, chronotop, being, thought, consciousness.

M. Bakhtin's chronotopical theory and M. Heidegger's existential theory in diahronno-anthropological measurement of thinking is analyzed. Applying the generalising approach, which borrows the basic lines structuralistical, poststructuralistical, anthropological, phenomenological and existential methodology, it is made attempt to analyse essence chronotop in a context its anthropological similarity with Heidegger's term Dasein. Such approach is continuation of the general line of research of anthropology of time and is connected with working out (in a number of previous ours articles) a hypothesis, in which it is made attempt to explain marginal and extreme properties of human consciousness and mentality (to comprehend essence of the changed conditions of consciousness,

Dasein, poetic thinking, phenomena of Messing and Vanga, the Vejnik's and Kozyrev's theories of and etc.). Actually, the theory of chronotop can be considered and as the modified version of phenomenology of spirit of Gegel, in which each movement of spirit is accompanied by the next advancement (step) on a ladder of self-knowledge, or step-by-step movement in some «logik-ideal-natural» topos of self-judgement (evolutions) spirit), when it is difficult to understand essence or contours of it's a topos. Whether it is space of absolute consciousness, whether it is a matter, marked logos? The Same difficulties arise at ontological, existential or anthropological interpretation of chronotop. This is problem of given article it explain some problems of evolution of chronotop in conditional space of the literature, or it move chronotop to a zone of life of human consciousness, in which it is carried out working out of the novel (author), and its perusal (reader), and it is collision subject, more precisely, spatial and temporary lines of heroes and etc.

As consequence to such expanded treatment chronotop it is possible to reconsider (describe) some properties of real consciousness of the person. That is allows to carry out its reconstruction for the purpose of understanding not standard properties of real consciousness (it considers phenomenology) and not existential properties (this is area of existential philosophy). That is allows to carry out its reconstruction for the purpose of understanding marginal properties of human consciousness. Such limiting properties of consciousness can be considered in frameworks of mythologics or psychologics of consciousness (about it we wrote in some earlier articles).

Предложенная статья является частью более обширного исследования, посвященного общей диахронно-антропологической теории, – частным случаем которой является сформулированная нами ранее гипотеза Соссюра – Хайдеггера – Леви-Стросса и восходящая своими истоками к теории хронотопа М. Бахтина [1], творческой эволюции А. Бергсона [2], диахронно-синхронической теории языка Ф. де Соссюра, структурной антропологии К. Леви-Стросса, теории бессознательного, прежде всего, З. Фрейда, К.-Г. Юнга и Ж. Лакана, шизоанализу Ж. Делеза и Ф. Гваттари [3], а также постмодерным теориям М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, А. Бадью и др. В целом рассматриваемая теория опирается на общий методологический принцип, согласно которому все структуры, связанные со временем: бытие, мышление, жизнь, общество, – при своем формировании сворачиваются (скручиваются) в топосном измерении, т. е. обретают особый пространственно-временной топос, который, безусловно, не является линейным. Всякое движение, связанное с формированием бытия, жизни, мышления, общества, является пошаговым или дискретным. Время все сворачивает (или убивает, приводит к смерти или ограничивает), и ничто не может ему противостоять (такая трактовка близка к идеям досократиков). Время сворачивает и бытие, и космос, и мысль, и жизнь. Любой путь, в таком контексте, – это не прямая ли-

ния, а шаги, система шагов, нелинейное движение, приводящее к определенной цели.

Еще А. Бергсон, анализируя способ разворачивания мира, в своей «Творческой эволюции» пришел к выводу, что определяющим моментом творческой эволюции является «длительность», т. е. в основе формирования космоса и жизни находится вихрь, творческий порыв, творческая (пошаговая) эволюция. Дух разворачивает себя в структурах (но это уже, по сути, структурный принцип, в дальнейшем возведенный в ранг методологической установки или структуралистской практики).

Попробуем взглянуть на такую космологическую (или «антропологическую») ситуацию путем некоторой, довольно косметической, на наш взгляд, реконструкции учений М. Бахтина и М. Хайдеггера, т. е. прояснить, можно ли в таком ключе рассмотреть теорию М. Бахтина, которая по своей внутренней напряженности и особенностям построения стоит особняком в ряду европейских философских событий XX в.?

Согласно теории М. Бахтина, в романе, с одной стороны, отображаются основные особенности мышления его автора, с другой – выстраивается единая система пространственно-временных событий, которая фактически позволяет читателю пребывать в том же топосе (тонусе или синхронии), что и автор произведения. Точнее говоря, в романе обнаруживается такая

пространственно-временная структура, которая позволяет почти безошибочно причислить его к той или иной исторической эпохе, к той или иной сюжетной линии раскрытия сущности повествования. Так обнаруживается и проявляется хронотоп. Точнее, важнейшим параметром историчности романа выступает его хронотопичность – принадлежность к определенному исторически сложившемуся хронотопу.

Удивительно то, что несмотря на более чем тысячелетнюю эпоху написания романов, ни один из исследователей не обратил внимания на столь явную историческую презентационность сюжетных линий романа. М. Бахтин фактически обнаружил пространственно-временную основу написания романа. То, что А. Эйнштейн проделал для понимания пространственно-временной структуры Космоса, М. Бахтин расширил на понимание пространственно-временной структуры исторического романа и взглянул на мировую художественную литературу как на «космос» повествовательных (точнее, произведенных мыслью) событий.

Под классическим (разумным и привычным) слоем написания романа русский мыслитель обнаруживает скрытую основу – хронотоп (пространственно-временной топос), слой пространственности, коммутирующий со временем. Привычный пространственный топос аппрезентирует скрытый пространственно-временной топос.

Если рассматривать эту операцию в экзистенциальных координатах, у русского исследователя, по сути, обнаруживается экзистенциальная линия в понимании романа, т. е. способ существования, привязывающий роман к конкретной исторической эпохе. Создатель «хронотопа» фактически проводит экзистенциальную операцию выискивания способа бытия романа в общей исторической линии существования романов («космоса» повествований) и выискивает способ бытия романа на основе его восприятия последующими читателями. Если в классическом представлении о романе все привычки носили или строго пространственный (Англия), или строго временной характер (XV в.), то М. Бахтин обнаруживает некую внутреннюю связь между бытием романа и его пространственно-временной структурой

(топосом), точнее, способами существования пространственно-временных структур.

Исходя из этой связи (наличия такого топоса, встраивающего роман в историю), можно сделать диахронно-антропологические выводы. Главный вывод, ведущий к реконструкции учения М. Бахтина, состоит в том, что роман всегда разворачивается в мысли автора, осуществляющего смешение пространственных и временных линий, посредством которых «герои» обретают собственное существование. Мы снова наблюдаем и экзистенциальные и, в какой-то мере, феноменологические черты понимания романа русским автором.

Действие Dasein по рассмотрению (пониманию) бытия разворачивается в мире. Не правильнее ли будет в этом случае задуматься о том, как Dasein и автор романа раскрывают себя в мире и обнаруживают свое существование (в том мире действительности и в том мире мысли, которые для них реальны)? Не являются ли они в таком подходе творцами существования (теми, кто конституирует пространство существования)? Автор романа разворачивает сюжетную линию во времени и в таком смысле выстраивает способ существования героя, которым, в то же время, может быть и сама действительность (когда воспевается природа, яблоня, дуб и т. д.). Dasein, по сути, тоже разворачивает себя во времени (из горизонта времени, как пишет Хайдеггер) в структурах, которые можно схватить путем внимательного анализа тех состояний, в которых пребывает человек-Dasein, когда вглядывается в бытие (проводит его анализ-понимание). И в первом случае (у автора романа), и во втором (Dasein) налицо разворачивание мысли во времени. Однако, с учетом теорий Хайдеггера и Бахтина, можно отметить, это такое разворачивание мысли во времени является структурным (приводит к структурированию) либо в романе, либо в действительности.

Одним из первых на эту особенность мысли (точнее, феноменологии духа) указал Гегель, пояснивший, что в процессе феноменологического развития мысль всегда приостанавливается, осмысливает себя, структурируется и оформляется в виде наук (дисциплинарных практик). А другого спо-

соба работы мысли не прослеживается. Феноменология, как работа мысли и духа, раскрывается в структурных образованиях. Мысль останавливается, замирает и начинает себя структурировать (оформлять в виде пространственно-временного образа) посредством понятий. Не здесь ли истоки и хронотопа М. Бахтина, и Dasein М. Хайдеггера (хотя и тот и другой, скорее всего, отрицали бы столь явное влияние Гегеля). Мысль формирует и понятие (в феноменологии), и существование (в экзистенциалах), и приостанавливает свой бег возле каждого понятия и способа существования. И бытие, и понятие – особые пространственно-временные зоны (топосы) существования мысли (духа или человека). И в хронотопии Бахтина, и в Dasein-теории Хайдеггера – во всем «слышится рука» мастера мысли Гегеля.

Но сам Гегель писал о бытии лишь при анализе логики – первого разворачивания абсолютной идеи (в виде системы простых и сложных понятий и категорий). Здесь отчетливо и ясно прослеживается путь духа, использующего для последующего движения слово. Если первым этапом становления абсолютного духа (у Гегеля) является логика (движение в системе понятий), а вторым – природа (движение в материальной среде), то необходимым моментом самопознания (феноменологии) духа является сворачивание понятий (и природы) в виде системы наук. Движение духа всегда понятийно или природно. В обоих случаях существования (духа) – и в мысли, и в природе – мы наблюдаем шаги-приостановки.

Гегель фактически говорит нам о том, что путь духа (и мысли, и, с учетом природы, жизни), разворачивается в понятиях; он всегда структурирован. Разум и мысль – лишь приостановки духа на уровне понятийного схватывания действительности. Там, где есть мышление и понимание, необходимым условием разворачивания является (пространственное) структурирование во времени. Бахтин, по сути, уточняет – пространственно-временное структурирование посредством системы понятий (смыслов). Путь духа прописан формулами слова. И эти формулы раскрывают возможности существования духа в пространственно-временном топосе. Более поздняя версия такого рода теории – струк-

турная антропология К. Леви-Стросса – является движением по этому же пути.

Иначе говоря, временное разворачивание бытия (духа) не бывает однородным. У Хайдеггера, например, оно опосредовано системой мысли (понятий и языка) – пониманием [4]. Мы можем двигаться только в той среде, которая уже размечена движением духа и мысли (посредством слов и понятий). И поскольку это девственный путь духа, мы самого пути и первичных его проявлений, практически не осознаем и берем их (мысль, понятие, язык, жизнь, общество и т. п.) как готовую (уже размеченную) данность. Не в этом ли в творчестве Ж. Лакана сущность бессознательного, структурированного как язык?

Очевидно, что язык не является и не может быть однороден. Во времени, сочетающемся с пространством, свойство однородности исчезает. Так исчезает абсолютная однородность времени Ньютона сразу за первым поворотом неклассической мысли. Антропология, как и феноменология духа, и экзистенциальная философия, искривляют и структурируют время и бытие. Таким образом, жизнь и мышление не могут разворачиваться в линейных координатах (их путь уже прописан первичными формулами).

Эту идею еще в XIX в. оправдывали Шопенгауэр, Ницше, Гартман, Бергсон [2] и другие мыслители. Жизнь, бытие и мысль – это порыв, скачкообразное движение вперед, пунктами разметки которого является язык, структурированный посредством научных практик. И науки в таком измерении (напоминающем хронотопическое) – лишь приостановки духа при его разворачивании в пространственно-временном топосе.

Не потому мир таков, что таким его видит наука (или разум), а потому, что наука отражает наиболее характерные черты бытия мира и духа (их структурное разворачивание во времени). Если реконструировать идеи Бахтина, можно заключить, что в узловых точках мира образуются его сценарии, языковые узусы, здесь рождаются и жизнь, и смыслы, и пути. И хотя, по сути, об этом писали Гегель в своей «феноменологии духа» (разворачивании духа во времени), Хайдеггер в своей «феноменологии бытия» (разворачивании бытия из горизонта времени),

реальный смысл этого проекта раскрывается только при реконструкции хронотопии М. Бахтина (разворачивании пространства мысли во времени и скручивании последнего под воздействием мысли) и структурной антропологии (феноменологии языка и общества из горизонта времени). Бытие мысли (и духа) везде оставляет свои следы в виде языка, науки и т. д. Разум – лишь их приостановка на длительном пути самосозерцания. Самосозерцание и есть заворачивание мысли (типа хронотопа) в пространственно-временном измерении (сворачивание мысли в пространственно-временном топосе).

Ницше и Делез называют эту формулу пространством повторения, Деррида – отсрочкой, благодаря которой только и существует жизнь. Жизнь человека разумного прочерчена лишь в разрыве бытия (отсрочке во времени, некоторой заторможенности действий человека в его отношении к настоящему).

Антропология начинает все более размышляться в своих границах, исчезают контуры привычного классического видения бытия человека и возникает феномен структурности (фрагментации, расслоения) сознания (и бытия) человека во времени. Отсюда и выводы постмодернистов о фрагментации антропологической реальности.

Но способен ли человек в таком случае управлять временем? В классическом смысле ответа нет или он абсолютно однозначен – человек не обладает функциями Бога. В неклассической культуре ответ уже не столь радикален.

Как раз один из путей развития неклассической антропологии показывает Бахтин. В своем варианте (экзистенциально-антропологической) теории путем чисто эстетического (как мы видим, и экзистенциального) «вмышливания» (внедрения, углубления) в ранее написанные классические литературные тексты (в мысль других авторов) М. Бахтин пытается показать, что на определенных уровнях фиксации «романа» (и соответственно мышления) происходит сращивание пространственного и временно-измерений. Проведя сложный поливалентный и концептуальный анализ смыслов различных исторически сложившихся текстов, Бахтин обнаружил, что ключевые сюжетные

смыслы рождаются в тех местах, где возникает сращивание временного и пространственного измерений, то есть в тех топосах, где осуществляется феноменологическое (интенциональное) прояснение сознания, когда пространственно-временные образования (ограничения) накладывают свое естество (сущность или бытие) на сознание (и мысль). Именно так, по мысли русского философа, рождается текст повествования. А тот особый пространственно-временной топос, который окутывает (обволакивает) роман, М. Бахтин именует хронотопом [1, с. 341].

Таким образом, по мнению русского мыслителя, формирование смыслов рождается (начинает свое существование) в том «топосе», который связан с хронотопом. Пространственные и временные пути двух людей (в романе, по М. Бахтину) пересекаются в одной точке, и таких путей много. Тонкий психолог, психоаналитик и лингвист, М. Бахтин пытается ухватить границы сращивания мыслей и смыслов (в романе) и обнаруживает закономерности формирования смысловых потоков, или сращивания «топосов», которые он объединяет одним словом «хронотоп». Хронотоп в его творчестве раскрывается как втягивание пространства в сюжетное развитие движения (по Аристотелю, «времени»); пространство как бы обволакивает время, а само время сгущается и уплотняется.

Те события, которые происходят в пространственно-временном топосе Бахтина (или хронотопе), могут быть связаны с очень похожими свойствами нашего сознания.

Попробуем рассмотреть в таком ключе, что пытается рассказать нам тонкий психолог Бахтин при исследовании романа.

Смыслы основываются на том, что время сворачивает пространство и переносит его в иную область (по этому сценарию разворачивается мысль автора). В этом новом месте оно объединяется (коммутирует) с другим смыслом и т. д. Мысль течет от смысла к смыслу, не подозревая, что смысл и есть уже свернутое пространство-время (топос как место пребывания смыслов). Мы не привыкли замечать, как время обволакивает пространство и само начинает сгущаться (скручиваться и изменяться) в потоке сознания. На определенном этапе развития мы начинаем теряться, где в нашем сознании говорят

наши мысли, а где чужие, где я сам оформляю свое время, а где изменения вносит чужое время.

В моем сознании (с учетом механизмов памяти) начинают пересекаться мои и чужие мысли, так как пространство мысли размечено пришедшим извне языком и высказанными на нем мыслями других. Речь другого также размечает мое пространство и время. Экономия мышления (Маха) и есть правильная последовательность сказанных слов, – таков (если следовать Маху) закон биологической жизни: экономится не только энергия бытия, но и энергия слова (мысли). Каждое слово – это свернутая в топос (скрученная в пространственно-временном топосе языка) энергия. Мысль и рождает и воспроизводит энергию. Я, конечно, может выплеснуть энергию эмоционально. Но и эмоция, согласно Левинасу, лишь сжатая во времени энергия выражения Другого (лик), т. е. заимствованная энергия выражения мысли Другого. Я по жесту Другого аппрезентую его мысль.

Начинает проясняться то свойство нашего мышления, которое раскрывает движение мысли (ее способ существования) – это не только работа с понятиями и смыслами, но и работа с энергиями, уплотняющими пространственно-временные топосы существования мысли (понятия). Иногда теософы (и некоторые философы) в этом месте употребляют термин «мысле-форма». Мысль, зажатая в форму и переносимая смысл, одновременно трансформирует и энергию напряжения, которая питает и поддерживает мысль. У разных людей эта энергия может быть разной (и в некоторых случаях очень значительная). Экономится не только энергия бытия, но и энергия мысли.

Чтобы объяснить такого рода эффекты нашего сознания, мы выдвигаем гипотезу, которую условно, в нашей более общей теории, можно назвать гипотезой Соссюра – Хайдеггера – Леви-Стросса (по имени тех мыслителей, которые создали предпосылки для исследования структуры синхронического и диахронического измерений нашей психики). Те самые события, которые у М. Бахтина происходят (случаются) в романах (точнее, в текстах), согласно выдвигаемой гипотезе, могут происходить со всяким мышлением (в мышлении автора, но и с любым человеком),

а точнее, с сознанием как смыслообразующим началом мысли.

Для М. Бахтина роман – это полигон (или театр) разворачивания смысловых коллизий (или пересечения пространственно-временных топосов, сопряженных с человеком). Согласно нашим предположениям, роман – место (или «топос») напряженного всматривания автора (романа) в системе смыслов в процесс формирования мысли. Ведь автор как психоаналитик, порой находясь в безумном напряжении внутренних сил, как в огненном горниле, рождает мысль, раскаленную от накала страсти человеческой. Автор – это психоаналитик рождаемых из героев.

Если бы М. Бахтин оказался более близок к современной антропологии и перенес свое открытие (хронотоп) на самого человека, на мысль автора (т. е. рассматривал тот «топос», который наделен мышлением и порождает роман), то возможно предлагаемая гипотеза была бы высказана гораздо раньше. М. Бахтин не осмелился затронуть святая святых европейской традиции – могущество разума и хронотопичность приписал только сюжетной линии исторически складывающихся романов, по сути, историческому духу романа (в более узком смысле узловой точки сгущения всех сюжетных пространственно-временных линий романа). И напрасно...

Как раз дальше начинается не феноменология «слепых» текстов, написанных по формулам разума, а феноменология духа и мысли реальных людей (в частности, авторов произведения), которые обнаруживают интересные закономерности формирования и мысли, и бытия реального человека.

М. Бахтин не говорил и не писал об энергии мысли и слова (хотя и был близок к этому). Но он создал теорию, которая фактически прямо указывает на взаимодействие энергий в мышлении. Мысль и есть энергия свернутых в пространственно-временном измерении смыслов. В своих теориях карнавала, полифонии и художественного слова русский мыслитель прямо идет по тому же пути, на котором он открыл сущность хронотопа. Экзистенциально-феноменологическая и структуралистская реконструкция теории хронотопа М. Бахтина с учетом многовековой тради-

ции написания романов позволяет заглянуть в первозданный мир формирования и бытия текстов, смыслов, мыслей, языка, мифа и социума, а там обнаруживается

мощная скрытая энергия слова, сложная пространственно-временная структура мышления, которую М. Бахтин выразил посредством формирования хронотопа.

Библиографический список

1. *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе / М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
2. *Бергсон А.* Длительность и одновременность / А. Бергсон. – М. : Добросвет, КДУ, 2006. – 160 с.
3. *Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. – М. : Раритет : Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб. : Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 2006. – 452 с.

References

1. *Bahtin M.* Formy vremeni i hronotopa v romane / M. Bahtin // Sobranie sochinenij : v 6 t. – М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. – Т. 3. – S. 340–511.
2. *Bergson A.* Dritel'nost' i odnovremennost' / A. Bergson. – М. : Dobrosvet, KDU, 2006. – 160 s.
3. *Deljoz Zh.* Logika smysla / Zh. Deljoz // Deljoz Zh. Logika smysla. Fuko M. *Theatrum philosophicum*. – М. : Raritet : Ekaterinburg : Delovaja kniga, 1998. – 480 s.
4. *Hajdegger M.* Bytie i vremja / M. Hajdegger. – SPb. : Nauka, Sankt-Peterburg. otd-nie, 2006. – 452 s.

Поступила в редакцию 26.01.2015.

Сведения об авторе

Окорок Виктор Брониславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Днепрпетровского национального университета имени Олеса Гончара, председатель специализированного ученого совета по защите (философия) (Украина). Область научных интересов – антропология пространства и времени, философия психики и сознания, мифология и семиотика сознания, современная и классическая метафизика, феноменология, экзистенциальная философия, восточная философия. Автор 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 монографий, 3 учебников по философии под грифом Министерства образования Украины (в соавторстве).

E-mail: okorokov.victor@mail.ru.

Okorokov Viktor Bronislavovich – Ph. D., Professor, head of the Department of philosophy of the Dnipropetrovsk national University named after Oles Gonchar, the Chairman of the specialized scientific Council for the protection of (philosophy) (Ukraine). Research interests: anthropology of space and time, philosophy of mind and consciousness, mitologica and semiotics of consciousness, contemporary and classical metaphysics, phenomenology, existential philosophy, Eastern philosophy. The author of 150 scientific and educational-methodical works, including 2 monographs, 3 textbooks on philosophy under the stamp of Ministry of education of Ukraine (in co-authorship).